

18+

Хьюго Ребелл

МЕМОУАРЫ
ДОЛЛИ
МОРТОН

Хьюго Ребелл
Мемуары Долли Мортон

«Издательские решения»

Ребелл Х.

Мемуары Долли Мортон / Х. Ребелл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-564230-1

Приключения девушки, собиравшейся бороться за освобождение американских негров во времена войны Северных и Южных штатов. Однако ей пришлось стать наложницей в доме богатого плантатора.

ISBN 978-5-00-564230-1

© Ребелл Х.
© Издательские решения

Содержание

Хьюго Ребелл	6
Предисловие издателя	8
Введение	10
Глава 1	17
Глава 2	22
Глава 3	25
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мемуары Долли Мортон

Хьюго Ребелл

© Хьюго Ребелл, 2022

ISBN 978-5-0056-4230-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хьюго Ребелл

Мемуары Долли Мортон

**История участия женщины
в борьбе за освобождение рабов**

Здесь и сейчас издаётся впервые.

Перевод на русский язык сделан по изданию: Париж. Чарльз Кэррингтон, 1899

© Л. Зданович. Перевод с английского под редакцией. 2022

Предисловие издателя

Самые героические эпизоды в истории американского народа связаны с усилиями по разрушению системы рабства, которая была наихудшим из многих ужасных наследий, оставленных Америке британским правительством. К счастью, Постановлением Конгресса в 1787 году, в том же году, когда была принята Конституция, рабство было отменено или запрещено на огромной северо-западной территории, из которой с тех пор было выделено так много великих штатов. Затем Компромиссом 1820 года была установлена определенная линия, за которую рабовладельческим штатам не разрешалось расширяться. Однако одиозный институт рабовладения всё ещё сохранялся на Юге, и, хотя большинство политиков пытались отложить этот «Непреодолимый конфликт», как называл его Сьюард, – частную помощь доброжелательными людьми во всех северных штатах тем рабам, которые были достаточно храбрыми и отважными, чтобы попытаться сбежать. В самом деле, некоторые люди были настолько заинтересованы в аболиционистском движении, что добровольно рисковали своей собственной свободой, чтобы помочь своим несчастным темнокожим братьям, организовали то, что с тех пор вошло в историю как «подземная железная дорога». Эта организация представляла собой сеть ферм и домов, в которых сбежавшим рабам давали убежище, когда они двигались на север. На каждой «станции» беглого раба кормили и укрывали, ухаживали за ним, отводили его к врачу, когда это было возможно, и рекомендовали маршрут до следующей «станции». Затем его отправляли в путь, в надежде, что опасный путь станет несколько менее тернистым из-за доброжелательной заботы очередного сочувствующего, который ухаживал за «станцией». Профессор Уилбур Х. Зиберт, проявив огромное терпение, собрал имена примерно 3200 американцев, которые вели христианскую работу по спасению этих несчастных, и в списке достойных мирового признания может быть еще несколько человек, уважаемые имена которых следует помнить, поскольку в те времена помочь негру сбежать от своего хозяина было очень опасным делом. Многие штаты наложили суровые наказания за пособничество или подстрекательство к бегству. Мужчины, попавшие в ловушку за содействие в этом предприятии, были избиты, заключены в тюрьму, а иногда даже убиты. Женщин, уличённых в этом, безжалостно раздевали и пороли; их лица были открыты похотливым взорам развратных мужчин, и в отношении многих из них совершались другие виды насилия, гораздо более гнусного характера. Эти пылкие джентльмены с юга, захватившие их, были, в конце концов, мужчинами и в сексуальном смысле, и немногие мужчины способны совершать наказание молодых женщин, не чувствуя побуждений страстного характера. В «Мемуарах Долли Мортон» истинные приключения отважных участниц «подземной железной дороги» связаны с откровенностью и красотой графики, редко встречающейся в какой-либо литературе. Мы видим красивых женщин, обнаженных под южным солнцем; мы слышим их крики и мольбы о милосердии, когда одна за другой их одежды и нижние юбки срываются и только для того, чтобы получить жестокие удары плетью.

Нам очень жаль, но мы мало что можем добавить к этому: пусть идущий на войну сам хорошо подсчитает цену этого унижения.

Бегство на волосок от гибели и необычные приключения девушки во враждебном окружении – всё это само по себе странное чтение, но, если вспомнить, что эти приключения были совершены во имя высших человеческих целей, интерес сливается с восхищением тем, сколь многим можно было пожертвовать ради высших идеалов гуманизма.

Руководителем этой «подпольной» системы был некий Леви Коффин, который, как говорят, лично помог освободить более трех тысяч рабов. Выдающиеся имена Теодора Паркера, Фреда Дугласа, Джона Брауна, Маршалла Гиддингса, Геррита Смита и других связаны с этим самым романтическим из повествований в истории 19 века. А в отношении приключений подвиги освободителей не могут быть равны. Кэлвин Фэрбенкс провел целую семью рабов

в груде соломы. Джеймс У. Торренс, экспортировавший зерно и перья в Канаду, упаковывал беглецов в свои ящики. У Абрама Аллена была большая тройка-сидячий экипаж, специально предназначенный для перевозки беглецов; он назвал этот транспорт «Освободителем»; у него там был специальный механизм с колоколом для записи количества пройденных миль. Ханна Марш доставляла садовые продукты на рынки Филадельфии и находила рабов среди своей моркови и тыквы. Гиддингс, член Конгресса, зарезервировал спальню в своем доме в Огайо специально для беглых рабов. Чердак над офисом Гаррисона в Бостоне использовался для той же цели.

Хотя к тем, кто помогал беглецам, применялись суровые наказания, и хотя работа была опасной и могла стоить жизни человеку, выполнявшему ее, ничто не могло остановить столь преданных аболиционистов, которые так благородно стремились освободить рабов. Читатель, который прочтёт «Мемуары Долли Мортон» лучше поймет, что означало рабство и сколько самоотречения потребовалось, чтобы продвинуть вперед дело эмансипации.

ЧАРЛЬЗ КАРРИНГТОН Париж, Франция, 1899 г.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА:

Автор этой истории рассказал мне, что некая женщина действительно передала ему повествование, изложенное здесь, и что он считает, что всё, рассказанное на нижеследующих страницах – это во всех основных моментах, чистая правда.

Введение

Как я познакомился с Долли Мортон и как сложились обстоятельства, побудившие её рассказать мне историю своей жизни.

«Летом 1866 года, вскоре после завершения гражданской войны между Севером и Югом в Америке, я был в Нью-Йорке, в который я отправился, чтобы на пароходе компании «Cunard» добраться до Ливерпуля. Я возвращался домой, в одно из центральных графств Англии после охоты и рыбалки в провинции Новая Шотландия. Мне тогда было тридцать лет; во мне было шесть футов росту; я был сильным и здоровым парнем; у меня был несколько авантюрный характер. Я любил женщины, и довольно безрассудно завязывал с ними знакомства. Итак, во время моего пребывания в Нью-Йорке я частенько ходил по городу по ночам, видел много странных достопримечательностей, а также различные странные сцены жизни в многоквартирных домах. Однако я не собираюсь рассказывать о своих похождениях в трущобах Нью-Йорка. Однажды днем, около пяти часов, я вошел в Центральный парк и сел на скамейку в тени дерева, чтобы выкурить сигару. Был прекрасный августовский день; солнце, клонясь к западу, ярко светило в безоблачном небе. Дул легкий ветерок, смягчая жару и заставляя листья деревьев шелестеть успокаивающим звуком, и я лениво откинулся на спинку сиденья, глядя на природу и на то, как разные симпатичные няни разных национальностей ухаживают за элегантно одетыми американскими детьми. Затем мой взгляд обратился на женщину, которая сидела на соседней скамейке и читала книгу. По всей видимости, ей было лет двадцать пять, она была очень хорошенькой с, насколько я мог видеть, стройной, хорошо округленной фигурой. её волосы светло-золотисто цвета были собраны в большой шиньон на затылке – это был век шиньонов и кринолинов. Она была на вид скромна и аккуратна, одета хорошо, но не броско. Все, что она носила было выдержано в хорошем вкусе, от маленькой шляпки на голове, до аккуратных сапожек на её маленьких, стройных ножках, выглядывающих из-под подола широкой юбки. Я смотрел на нее пристальнее, чем было принято, решив, что передо мной типичный портрет хорошенькой американской леди из высшего сословия. Через мгновение или два она заметила мой пристальный взгляд, и, подняв глаза от своей книги, она внимательно посмотрела на меня в течение короткого времени. Затем, очевидно удовлетворенная моей внешностью, её лицо озарила яркая улыбка, и она бросила на меня дерзкий взгляд, одновременно делая движение рукой, приглашая меня подойти и сесть рядом с ней. Я был довольно-таки удивлен этим жестом, так как по её внешнему виду не подумал, что она принадлежит к полусвету; но я был вполне готов поболтать с ней – а также провести с ней время, если бы разговор наш понравился мне не меньше, чем её внешний вид.

Поднявшись со своего места, я подошел к ней, и она тотчас же отдернула свои объемистые юбки, чтобы освободить место для меня на скамейке рядом с ней. Я присел рядом, и мы начали разговаривать.

Она говорила, как вполне образованный человек, и, хотя у нее был американский акцент, её голос был низким и музыкальным (мне не нравится американский акцент, когда я слышу его из уст красивой женщины), а она, безусловно, была красива. Глаза её были большие, ясные и голубые, цвет лица был очень свежим, зубы были белыми и правильными, нос – правильной формы, а – маленький, с яркими, алыми губами.

Ей было что рассказать про себя, весело болтая и используя причудливые выражения, которые заставляли меня смеяться. Мне очень понравилась эта маленькая жизнерадостная женщина, поэтому я решил проводить её до дома и при возможности провести с ней ночь. По моему акценту она сразу заметила, что я англичанин, и сообщила мне, что никогда раньше

не общалась с мужчиной моей национальности. После того, как мы немного поболтали, я пригласил её отобедать со мной. Она оказалась весьма довольной моим приглашением и сразу же приняла его, поэтому мы тихо вышли из парка в ресторан, где я заказал хороший ужин с шампанским.

Когда обед закончился и я выкурил сигару, я повел свою спутницу, которая сказала мне, что её зовут Долли, в театр. В конце спектакля я поймал извозчика и отвез женщину к её дому, который находился в пригороде, примерно в трех милях от театра. Поскольку стояла яркая лунная ночь, я смог увидеть, что дом представляет собой симпатичное одноэтажное здание с верандой, покрытой лианами, стоящее в небольшом саду, окруженном железной решётчатой изгородью.

Дверь открыла аккуратно одетая мулатка-квартиронка, которая проводила нас в гостиную; затем, задернув шторы и включив газовые форсунки в колонках, она ушла.

Комната с раздвижными дверями в одном конце была красиво обставлена; в этом не было ничего подозрительного, все было в хорошем стиле. Пол был покрыт красивым восточным ковром, занавески были бархатными; на стенах висели несколько хороших гравюр, а в шкафу стояли отборные образцы старинного фарфора.

Моя хозяйка предложила мне сесть и устраиваться поудобнее; затем, умоляя меня извинить её на мгновение или два, она прошла через раздвижные двери в соседнюю комнату, которая, как я увидел, была спальней. Вскоре она вернулась, одетая в белый халат, обшитый синими лентами; она сняла сапоги и надела на ноги изящные французские тапочки; волосы её ниспадали на плечи почти до талии.

Она выглядела так «соблазнительно», что я сразу посадил её к себе на колени и поцеловал в губы, на что она ответила, одновременно вставляя кончик своего языка мне в рот. Тогда я положил руку на её халатик, с удовольствием обнаружив, что под ним у нее ничего не было, кроме зашнурованной отделанной сорочки и чёрных шелковых чулок, застёгнутых выше колен алыми атласными подвязками, так что все её тело я мог чувствовать с идеальной легкостью.

Она была пухленькой, как куропатка; в её округлой гладенькой фигурке не было ни единого угла, а кожа была нежной, как атлас. её грудки были довольно маленькими, но круглыми, как яблочки, довольно твердыми и с крошечными стоячими розовыми сосками. У нее был очень хороший зад, пухлые твердые щеки, а волосы на «Венерином бугорке» были шелковистыми на ощупь. Она подала мне бренди с содовой, и мы болтали, пока я курил сигару. Затем мы прошли в спальню, где всё было безупречно чисто и мило.

Вскоре мы оказались в постели. Моя грудь была на её груди, мой рот был на её губах, мой любовный орган был до корней в её логове любви, мои руки держались за щеки её ягодиц,

и я энергично двигался на ней, а она вздыхала, стонала и живо двигалась под моими мощными ударами. Мой член был достаточно крупным, а её щёлочка оказалась маленькой и удивительно плотной; к тому же она была очень хороша верхом на мне, так что мне очень понравилось «трепетание», тем более что у меня уже месяц «не было» женщины. Но поскольку рано или поздно всё кончается, пришел конец и нашим утехам с этой маленькой женщиной, и когда все было кончено, она, тяжело дыша, лежала у меня на руках. Однако когда к ней вернулось дыхание, она сказала с легким смешком:

– Боже милостивый! Да ты у нас оказался очень большой и очень-очень сильный. Не думаю, что у меня в жизни когда-либо были такие сильные объятия. Ты словно прошел сквозь меня. Но мне это нравится. Я засмеялся, ничего не замечая, но лежал спокойно, отдыхая, всё ещё держа её в руках и поглаживая её прохладную бархатистую кожу, пока снова не стал готов к действию. Затем, заставив её встать на четвереньки перед кроватью, я толкнул её сзади, в позе «en leverette», заставляя её вздрагивать, взвизгивать и покачивать ягодицами. После этого мы снова перебрались в кровать, и я заставил её лечь на её стороне спиной ко мне в то время как я лежал позади нее, прижав живот и бедра к прохладным пухлым щекам её ягодиц, а мой полутвердый инструмент лежал в расщелине её бедер. В таком положении мы заснули. Я спал крепко, не проснувшись ни разу до половины девятого следующего утра. Затем, сидя на кровати, я посмотрел на свою спутницу, которая всё ещё крепко спала, лежа на спине. её длинные волосы рассыпались по подушке, а руки были закинута над головой. Она выглядела довольно молодой и очень красивой, а на её округлых щеках играл легкий розовый оттенок. Я осторожно натянул постельное белье ей на ноги и закатал ночную сорочку ей до подбородка, не разбудив ее. Затем я внимательно рассмотрел её обнаженные прелести. И на них стоило посмотреть. её кожа была белой, как молоко, без единого изъяна; она действительно была очень хорошо сложена и обладала идеальной фигурой. её маленькие грудки глядели вверх превосходным рельефом; у нее были хорошие ноги – её пухлые, округлые бедра были стройными; её лодыжки были тонкими; её живот был без морщин – у нее, очевидно, никогда не было детей, – и её розочка была оттенена тонкими, вьющимися золотистыми волосками. Моё орудие был жёстким, как кочерга, поэтому я разбудил мою Долли, нежно щекоча край её грота указательным пальцем. Она с улыбкой посмотрела мне в лицо, её большие голубые глаза весело заблестели, и сказала:

– Итак, вы подготовили меня к утреннему жертвоприношению. Что ж, я готова к схватке».

Затем она вытянула ноги, и через несколько секунд я произвёл свой первый утренний толчок. Признаюсь, поутру наши любовные эскапады понравились мне больше, чем те, которые у меня были ночью, потому что, пока я работал с ней, маленькая женщина оживилась быстрее и задёрнула своим задом в сладостном спазме еще более похотливо, чем накануне. Ей действительно нравилось принимать то, что я ей давал, и я не думаю, что она притворялась сладострастно возбужденной, просто для того, чтобы доставить мне удовольствие.

Вскоре мы начали болтать на разные темы, и её разговор показал, что она проявляет разумный интерес к повседневным делам. В конце концов, наш разговор перешел на животрепещущую в то время тему – недавно закончившуюся гражданскую войну, и я спросил ее, какая из воюющих сторон ей симпатична. – Я – северянка, – ответила она, – поэтому я всегда была за Союз. Я очень рада, что южане были разбиты, а рабы отпущены на свободу. Рабство было ужасным явлением и позором для всей нашей страны.

– Но из всех рассказов, которые мы слышим, – возразил я, – кажется, что раньше негры на Юге в качестве рабов жили лучше до войны, чем сейчас, как свободные люди.

– О, но теперь они свободны, и это замечательно. Несомненно, сейчас дела обстоят плохо, но со временем они улучшатся.

– Я думал, что, как правило, хозяева хорошо обращаются с рабами.

– Так и было во многих случаях, – ответила она, – но для них не существовало никакой безопасности; всегда была вероятность того, что их продадут незнакомым людям; а затем жены были разлучены со своими мужьями, а дети – с их родителями. Кроме того, было много владельцев, которые плохо обращались со своими рабами, заставляли их тяжело трудиться, скудно кормили и жестоко пороли их за малейшее неповиновение. С другой стороны, рабы не имели никаких прав. Девушкам и женщинам, особенно если они были светлые и симпатичные, не позволялось быть добродетельными, даже если бы они этого хотели. Они были вынуждены отдаваться в объятия своих хозяев, и, если женщина осмеливалась возражать, её жестоко били.

– О, такого не может быть! Полагаю, что вы ошибаетесь, – заметил я.

– Нет, я знаю, о чем говорю, потому что до войны я жила в рабском состоянии, и у меня были особые возможности узнать всё о рабстве и связанных с ним ужасах.

– Неужели даже для женщин было обычным делом, когда их били плетью? – спросил я.

– Да. И я не думаю, что на всём Юге есть хоть одна плантация, где рабыни не были бы избиты. Конечно, на некоторых плантациях избивали больше, чем на других, но это не делало само это явление менее омерзительным. Дело в том, что порку всегда производили мужчины, и, как правило, часто самым публичным образом.

– По какой части тела рабынь били плетью и какие орудия наказания применялись? – поинтересовался я.

– Иногда их били по спине, но чаще всего по заду; использовались разные инструменты; был гикориевый прут, ремень и весло.

– Что такое весло?

– Это круглый плоский кусок дерева, прикрепленный к длинной ручке, и он всегда использовался для ударов по нижней части. Он не кровоточит, но каждый удар вызывает образование волдырей на коже и ушибает плоть. Гикориевый прут, если он используется с любой степенью силы, прорежет кожу и потечет кровь. Существовал еще один ужасный инструмент наказания, называемый «воловья кожа», но его очень редко применяли к женщинам.

– Кажется, вы все знаете о порке. А теперь расскажите мне, как вы оказались в рабском состоянии, – сказал я.

– Я помогала управлять станцией на «подземной железной дороге», но, полагаю, вы не знаете, что это такое?

– Нет, не знаю, что это?

– «Станции подземной железной дороги» – это дома, в которых аболиционисты прятали беглых рабов. В разных частях Юга было несколько таких «станций», и ночью беглецов тайно переправляли с одной «станции» на другую, пока он или она, наконец, не получали свободу. Это была опасная работа, потому что помогая рабу избежать законов Юга, мы совершали очень большое преступление. Любой мужчина или женщина, пойманные на такой работе, могли быть уверены, что получат длительный срок с каторжными работами в государственной тюрьме. Кроме того, все вокруг были против аболиционистов; не только рабовладельцы, но и простые белые люди, у которых не было ни одного раба, и часто случалось, что аболиционистов линчевали. Их обваливали смолой и перьями и возили по городам, или заставляли страдать каким-то другим образом банды беззаконников-линчевателей.

– А у вас самой когда-нибудь были проблемы, пока вы были на этой «подземной станции»? – спросил я.

– Я попала в ужасную беду и прошла через невыносимые страдания, – отвечала она. – На самом деле то, что случилось со мной, изменило весь ход моей жизни и стало причиной того, что я есть сейчас. О, как я ненавижу южан! Жестокие негодяи! – яростно воскликнула она, её глаза вспыхнули, её грудь вздымалась, а щеки покраснели.

Я был удивлен её внезапной вспышкой гнева, и меня сразу же осенило, что у этой маленькой женщины есть своя история. Мне было любопытно услышать её, поэтому я сказал:

– Я очень хотел бы услышать, что случилось с вами на Юге. Вы мне расскажете?

После минутного колебания она ответила:

– Я еще никогда не рассказывала свою историю мужчине; но вам я её расскажу, так как вы англичанин и я думаю, что у вас отзывчивый характер. История очень длинная, и сейчас мне некогда рассказывать её вам, но если вы приедете сюда сегодня в семь вечера и пообедаете спокойно со мной, я дам вам полный отчет о моей прошлой жизни.» Я ответил, что буду рад пообедать с ней и что она доставит мне большое удовольствие, позволив услышать её историю.

Только тогда раздался стук в дверь и вошла аккуратно одетая женщина-квартиронка, внесла поднос с чаем и тосты с маслом на подносе, который она поставила на стол рядом с кроватью.

Моя подруга пересела и сказала служанке:

– Мария, дай мне мой халат.

Женщина передала хозяйке одежду, которую она накинула на плечи. Затем, повернувшись ко мне, Долли сказала с улыбкой: «Мэри была рабыней двадцать пять лет, и если вы захотите задать ей какие-либо вопросы о её жизни, она ответит вам правдиво. Она не стесняется. правда, Мэри?»

Квартиронка, которая была очень пышной, довольно красивой женщиной, широко улыбнулась, показывая двойной ряд белых зубов между её полными красными губами.

– Нет, мисс Долли, – ответила она, – я не стесняюсь.

Я был готов попросить Мэри дать мне некоторую информацию о себе, поэтому для начала я сказал:

– Что ж, Мэри, вы из какого штата, откуда вы?

– Мне тридцать лет, да, и я вырос на плантации старого майора Баскомба в штате Алабама. У нас было сто пятьдесят полевых рабочих на плантации и двенадцать домашних слуг на месте. Я была одной из горничных в гостиной, – добавила она с некоторой гордостью.

– Был ли твой хозяин хорошим хозяином? – спросил я затем женщину. – Ну, да, в целом, он был довольно хорошим масса; он нас хорошо кормил и не слишком много заставлял нас работать; но он был очень строгим, и по его приказу нас много пороли на плантации, да и дома тоже.

– А тебя саму когда-нибудь пороли?

Мэри посмотрела на меня с выражением удивления на лице. Очевидно от того, что я задал такой глупый вопрос.

– Конечно, да, да, много раз, – ответила она. – Я получила свой первый удар хлыстом, когда мне было около семи лет, а последний – когда мне было двадцать пять; всего за неделю до того, как мы все были освобождены президентом Соединенных Штатов.

– Как же тебя били?

– Когда я была маленькой девочкой, меня просто шлёпали; когда же я вырастала, они хлестали меня по голой спине или ягодицам по ширине ремешка или по длине ветки гикори. А ещё меня несколько раз били веслом по ягодицам, – сказала Мэри, как можно более хладнокровно.

– Кто же хлестал женщин?

– Один из надзирателей – довольно щедро; но иногда сам масса хлестал домашних слуг; наша Дерё была комнатным сторожем для определенной цели, а когда девушку или женщину хлестали плетью, её привязывали лицом вниз на веревке или на длинной скамейке, и она стояла близко-близко, и так получала свое наказание.

– Были ли эти порки серьезными?

– О, они всегда причиняли нам ужасную боль и заставляли нас кричать и извиваться; иногда нас били до крови...

Тут вмешалась Долли, сказав:

– И когда кожа спины или ягодиц женщины истерзаны плетью, следы никогда полностью не исчезают. Сейчас на теле Мэри много отметин. Покажи свою задницу английскому джентльмену, Мэри, и докажи ему правду своих слов.

Женщина без малейшего колебания повернулась ко мне спиной. Затем она собрала все свои юбки под мышками, обнажая все нижняя часть своего тела (на ней не было панталон). Это было зрелище!! Все женщины негритянской крови, естественно, имеют крупные зады, и, поскольку Мэри была довольно объёмистой, зад её был просто огромный, а пухлые полушария плоти раздувались и плавно переходили в массивные бедра и крепкие ноги, обтянутые узкими белыми хлопчатобумажными чулками. Под чулками её кожа была гладкой и имела светло-коричневый оттенок, и я сразу заметил, что на жирных щеках её ягодиц, а также на верхней части бедер были нанесены длинные тонкие белые линии там, где кожа была порезана швом плети. Казалось, она хотела показать свое роскошное очарование, потому что не спешила снимать нижние юбки, а стояла, глядя через плечо на меня с самодовольной улыбкой на лице, пока её хозяйка не сказала:

– Достаточно, Мэри.

Затем квартеронка позволила своей одежде упасть и с улыбкой вышла из комнаты.

– Вот, – сказала Долли, – вы и увидели отметины на её ягодицах, и я могу вам сказать, что её спина отмечена так же. Более того, её соблазнили, или, говоря точнее, ей пришлось отказаться от себя в угоду старшему сыну своего хозяина, когда ей было всего пятнадцать лет. Впоследствии она прошла через руки двух младших хозяйских сыновей; но тот факт, что она была игрушкой трех белых молодых людей, не спас её тела от побоев, волдырей или шрамов всякий раз, когда она по мнению белых совершала какое-либо проступок. Она рассказывала мне, что иногда ей приходилось заходить в комнату к тому или иному из молодых недорослей, пока её тело кровоточил от порки. У меня на службе есть еще одна женщина-повариха лет тридцати пяти; она приехала из Южной Каролины, и её тело еще более покрыто шрамами, чем у Мэри, следами от кнута. – Долли на мгновение остановилась, потягивая чай. Затем она сказала: – Всё же хорошо, что в Соединенных Штатах рабство было отменено.

– Да, действительно... Я и понятия не имел, что с рабынями когда-либо обращались таким образом.

Детали, рассказанные мне Долли и квартеронкой очень меня удивили, а также несколько тронули. Но в то же время я чувствовал себя несколько возбужденным. Вид обнаженной женской плоти меня всегда возбуждает. Поэтому полный обзор больших ягодиц Мэри, который я только что получил, дал мне огромную стойку для члена. Так что, взяв Долли за руку и подшучивая над ней, стянул с себя постельное белье, подоткнул её одежды и снова с большим удовольствием овладел ею. Затем, подкрепившись чашкой чая и кусочком тоста, я встал и принял холодную ванну в небольшом будуаре, примыкающем к спальне.

Затем, одевшись, я попрощался с Долли, пообещав обязательно вернуться в семь часов. Затем, поцеловав её и сделав хороший подарок, я вышел из дома и направился обратно в отель, в котором остановился. Переодевшись, я сел завтракать с большим аппетитом, чувствуя себя весьма довольным ночным развлечением.

День тянулся довольно медленно, и ровно в семь часов я вернулся в дом Долли, желая услышать её историю и намереваясь провести с ней всю ночь снова.

Казалось, она была рада меня видеть и выглядела очень мило в своём красивом платье из мягкой белой ткани. Она приготовила мне простой, но хороший небольшой ужин с бутылкой превосходного бургундского.

Мэри, элегантно одетая и сияющая улыбкой, но совершенно почтительно, ждала нас, и, когда еда закончилась и мы прошли в гостиную, она принесла действительно хорошо приготовленный кофе.

Долли откинулась на спинку кресла, опираясь на табурет ногами, в элегантных бархатных тапочках, и, поскольку её юбки были слегка приподняты, я мог видеть её аккуратные щиколотки в бледно-голубых шелковых чулках. Я закурил сигару и устроился в другом кресле напротив нее. Затем она начала рассказывать мне свою историю, которая оказалась довольно длинной.

Рассказ её далеко не был закончен, когда мы легли спать после небольшого полуночного ужина. Но, заинтересовавшись этим рассказом, я захотел услышать его конец; поэтому я нанес Долли еще три или четыре визита, и она продолжала свой рассказ каждый раз, когда я видел ее, пока, наконец, она не рассказала мне все свои приключения.. Поскольку я умел стенографировать, я записал её рассказ в точности так, как она рассказала, без перерыва, её собственными словами».

Глава 1

Жизненный опыт молоденькой девушки. – Смерть моего отца. – Как я познакомилась с мисс Рут Дин и что вышло из моего желания помочь ей в благородном деле освобождения рабов

«Меня зовут Долли Мортон, мне от роду 26 лет, и я родилась в Филадельфии, где мой отец работал клерком в банке. Я была его единственным ребенком, и моя мать умерла, когда мне было два года, поэтому я не помню ее. Заработок моего отца был небольшим, но он дал мне хорошее образование, насколько позволяли его средства, и его единственное желание состояло в том, чтобы я смогла зарабатывать себе на жизнь в качестве школьной учительницы.

Мой отец был молчаливый, строгий, сдержанный человек, который, возможно, по-своему любил меня, но он никогда не выказывал никаких внешних признаков привязанности и всегда держал меня в строгой дисциплине. Каждый раз, когда я совершала какой-либо проступок, он клал меня себе на колени, поднимал мои короткие нижние юбки, снимал мои панталоны и громко шлепал меня широким куском кожи. Я была пухленькой, мягкой, тонкокожей девушкой, которая остро чувствовала боль, и я имела обыкновение кричать, дрыгать ногами и просить о пощаде, чего, однако, мой отец никогда не принимал, поскольку спокойно продолжал шлепать меня, пока мой бедный зад не становился красным, как огонь, и я хрипла от крика. Затем, когда наказание заканчивалось и мои дрожащие пальцы застегивали панталоны, я ускользала с больным задом и слезящимися глазами. Наша старая служанка, которая была моей кормилицей, сочувствовала мне и утешала, пока не пройдет первая острая боль от порки.

Наша жизнь была довольно одинокой; у нас не было родственников, мой отец не заботился ни о каком обществе, а у меня было очень мало подруг моего возраста. Но я была сильна и здорова, у меня был веселый нрав и я, к счастью, любила читать, поэтому, хотя меня частенько донимала домашняя скука, в детстве я не была совершенно несчастной.

И так протекли мои детские годы, тихо и без происшествий. Мое детство прошло, мне исполнилось восемнадцать лет и я выросла до пяти футов четырех дюймов; моя фигура была хорошо округлена, и я выглядела вполне сложившейся женщиной. Меня начало раздражать однообразие и подавленность моей жизни, и иногда я бывала очень своевольным и непослушным ребёнком. Но я всегда страдала в таких случаях, потому что мой отец все еще продолжал обращаться со мной как с ребенком, терпеливо укладывая меня на колени и шлепая, когда я проявляла своё неповиновение. Более того, он обещал мне, что будет шлепать меня каждый раз, когда я буду плохо себя вести, пока мне не исполнится двадцать лет. Это было очень унижительно для девушки моего возраста, тем более что я стала довольно романтической и начала думать о юношах. Но мне никогда не приходило в голову сопротивляться авторитету моего отца, поэтому я принимала свои порки – которые, должна признаться, порой были вполне заслуженными – со всей выдержкой, на которую я была способна.

Но вскоре в моей жизни произошли нешуточные перемены. Моего отца хватил приступ пневмонии, от которой он скончался через несколько дней болезни. Сначала я была ошеломлена внезапностью удара, но не могу сказать, что испытал много горя по поводу своей потери. Мой отец никогда не был со мной товарищем, и, когда я пыталась заинтересовать его своими нехитрыми детскими проблемами, он неизменно проявлял крайнее равнодушие. Однако у меня не было времени думать о прошлом. В тот момент мне пришлось столкнуться с жизненными неурядицами, и обстоятельства складывались крайне неудачно. Отец умер в долгах,

и кредиторы требовали уплаты. Денег у меня не было, поэтому мебель в доме продали с аукциона, а вскоре и сам дом, и, когда все было улажено, я оказалась без гроша за душой, бездомная и совсем одна в целом мире.

Месяц я прожил с моей старой кормилицей-служанкой. Она бы всегда держала меня рядом с собой, если бы у нее была такая возможность, но и ей приходилось как-то зарабатывать себе на жизнь, и поэтому ей пришлось снова пойти на службу. Тогда я была бы вынуждена искать убежища в доме для бедных, если бы не доброта одной дамы, которая, узнав о моем одиночестве и отчаянии, взяла меня в свой дом.

Ее звали мисс Рут Дин, и ей тогда было тридцать лет. Она принадлежала к секте квакеров, или, как она их называла, «Обществу друзей». Она была одинокой девицей, у нее не было любовников, она была самостоятельно и жила в большом доме примерно в двух милях от города. Мисс Дин была вполне обеспечена и свободно распоряжалась своими деньгами, большую часть которых тратила на различные добрые дела. её время было в основном занято благотворительной деятельностью разного рода, и она всегда была готова протянуть руку помощи любому, кто нуждался в ней. Но прежде чем продолжить, я должна дать вам физическое описание мисс Рут Дин. Это была высокая, стройная женщина изящного телосложения с большими серьезными карими глазами; её волосы тоже были каштановыми; они были длинными и мягкими, и она всегда заплетала их простыми лентами. У нее была прекрасная ясная кожа, но щеки не краснели, хотя обычно она была в прекрасном состоянии и была способна переносить сильную усталость. Женщиной она была хорошенькой, но всегда была довольно чопорной. Она неизменно имела постное выражение на лице, и редко смеялась, хотя ни капельки не была угрюмой. Мисс Дин стала мне лучшим другом, который у меня когда-либо был. С самого начала она относилась ко мне как к желанной гостье и была ко мне очень добра. У меня была собственная красиво обставленная спальня, и слуги, все без исключения преданные своей хозяйке, всегда относились ко мне с уважением.

У мисс Дин было несколько корреспондентов во всех частях Штатов, и теперь мое образование оказалось для меня полезным, поскольку я могла помочь своей благодетельнице отвечать на её письма. Она, обнаружив, что я образована и сообразительна, назначила меня своим секретарем, положив мне за это небольшую зарплату (из чего у меня появились карманные деньги), а также взяв на себя снабжение меня одеждой. Мне было очень комфортно жить в её доме; я никогда в жизни не был так счастлива. Не было ни косых взглядов, ни резких выговоров, ни, прежде всего, ужасных отцовских шлепков.

Со временем мисс Дин стала для меня как старшая сестра. Я тоже очень любила ее. Она восхищалась моим лицом и фигурой, и ей всегда нравилось видеть меня красиво одетой, поэтому она отдала мне отороченные кружевами нижние юбки, панталоны и сорочки, а также несколько своих красивых платьев, хотя сама она довольствовалась самым простым комплектом нижнего белья и всегда носила костюм квакерши, простой лиф с прямой юбкой из тусклой ткани голубого цвета.

Само собой разумеется, мисс Дин ненавидела институт рабства и была ярким членом партии аболиционистов. Она снабжала деньгами и поддерживала постоянную связь с «Друзьями» в южных штатах, которые отвечали за «подземные станции», и она сама часто принимала в свой дом сбежавших рабов обоего пола, которых содержала до тех пор, пока они не находили себе работу. Она могла открыто укрывать беглецов, потому что Пенсильвания была свободным штатом. Мне не нужно вдаваться в подробности своей жизни за два года, так как ничего особенного в то время со мной не произошло. Я была вполне довольна и счастлива, у меня было общество молодых людей моего возраста, и много невинных развлечений. Будучи квакершей, мисс Дин, не покровительствовала общественным развлечениям, сама не предавалась им и мне не позволяла окупаться в них. Она также не одобряла танцев: но часто устраивала тихие вечеринки, и меня часто приглашали в другие такие же скромные дома. Я была популярна среди

представительниц своего пола, и у меня было несколько поклонников среди молодых людей, но, поскольку мне не нравился ни один из них, я оставалась одинокой.

В то время, о котором я говорю, трения между Севером и Югом становились очень сильными, и пошли слухи о буре, которая вскоре должна была разразиться, хотя мало кто думал, что всё закончится долгой и кровопролитной гражданской войной. Ближе к концу года Север был поражен казнью, или, как мы её называли, убийством великого аболициониста Джона Брауна на Харперс-Ферри. Мисс Дин была особенно потрясена и расстроена этой новостью, поскольку она знала Джона Брауна лично и считала, что он был совершенно прав, подняв мятеж, который стоил ему жизни. Она утверждала, что любой акт, имеющий целью освобождение рабов, был оправдан, и заявила, что без колебаний сделает то же самое, если будет думать, что это будет способствовать делу.

По прошествии нескольких недель она стала беспокоиться. Ей не нравилась простая отправка денег на юг. Она хотела что-то сделать лично, чтобы помочь рабам, и, наконец, она решила сама отправиться на юг и возглавить одну из «станций подземной железной дороги». Однажды она рассказала мне, что собирается делать, и сама пришла в восторг от этого:

– О! – воскликнула она. – Я так хочу начать работу по спасению. Я уверена, что смогу управлять «станцией» лучше, чем любой мужчина. Белые бездельники подозревают мужчин и постоянно наблюдают за ними, но никто не заподозрит в управлении станцией женщину. «Так что, если я буду жить тихо и приму все необходимые меры предосторожности, вряд ли меня обнаружат.

Мои симпатии всегда были на стороне рабов, и теперь энтузиазм мисс Дин сильно тронул меня. Я и сказала ей о своей решимости присоединиться к ней. Сначала она и слышать не хотела о таких вещах; она указала мне на риски, связанные с подобным предприятием, и заметила, что нас, возможно, разоблачат, и в этом случае мы должны быть приговорены к длительному тюремному заключению. «Не то чтобы я боюсь тюрьмы», – добавила она, вставая со своего места и расхаживая взад и вперед по комнате, её бледные щеки покраснели, а мягкие глаза сияли. – Но для тебя, Долли, это было бы ужасно. Ты – молодая, хрупкая девушка, и ты не сможешь вынести – как я, – тяжелой работы и грубого питания. Кроме того, они отрежут тебе все твои красивые волосы. А я слышала, что волосы женщин-заключенных в Южных тюрьмах остригают. Нет, моя дорогая, я не могу позволить тебе поехать со мной. Если бы я это сделала, и с тобой что-нибудь случилось бы, я бы никогда себя не простила.

– Я не боюсь работы, – возразила я, – а у вас такие же красивые волосы, как и у меня. Если вы решите рискнуть своими, то и я своими могу рискнуть. Думаете, после всего того, что вы для меня сделали, я отпущу вас одну? Я не останусь позади. Куда пойдёте вы, пойду и я, и не упусти свой шанс быть рядом с вами.

Я видел, что она была очень тронута моей верностью, но до последнего дня она пыталась сделать всё возможное, чтобы отговорить меня от поездки на Юг вместе с ней. Тем не менее, я была тверда в своей решимости сопровождать ее, поэтому я ответила на все её аргументы и закончила тем, что заявила, что, мол, «две головы лучше, чем одна», и что я смогу оказать ей большую помощь.

Итак, она, наконец, согласилась взять меня с собой. Урегулировав этот вопрос, она поцеловала меня, затем, сев, написала письма своим «Друзьям» в различных частях Юга, прося их сообщить ей место, где можно было бы построить новую «станцию подземной железной дороги». Затем мы отправились ужинать, а закончив ужин, провели вечер, обсуждая наши планы и решая, насколько это было возможно, то, что нам следует делать дальше.

Через несколько дней мисс Дин получила ответы от всех своих корреспондентов. Они упомянули несколько мест, где может быть установлена «станция». Мы обсудили преимущества различных мест и после долгих раздумий решили обосноваться в Вирджинии, прямо посреди рабовладельческих штатов. Дом, рекомендованный нам для использования в каче-

стве «станции», располагался недалеко от городка Хэмптон, на реке Джеймс, в тридцати пяти милях от Ричмонда, столицы штата. Мисс Дин сразу же написала местному агенту по недвижимости, попросив его зарезервировать этот дом для нее и как можно скорее обставить его для приема двух дам, желающих провести какое-то время в Вирджинии. Вскоре она получила письмо от агента, в котором говорилось, что он забронировал дом для нее и что он будет меблирован и готов к заселению через две недели. Вряд ли мне нужно уточнять, что агент не имел ни малейшего представления о том, что дом будет использоваться как «станция».

На следующий день мы начали неторопливо готовиться к отъезду, и мисс Дин решила взять только одну прислугу, надежную белую женщину средних лет по имени Марта. Она была квакером, как и её хозяйка, на службе у которой состояла пять лет. Она знала, зачем мы едем в Вирджинию, и была готова сопровождать нас. Остальные слуги остались присматривать за домом в Филадельфии. Мисс Дин подумала, что было бы безопаснее не разглашать никому в городе точного места, в которое мы направлялись, и тем более наших целей и намерений, поэтому она просто дала понять, что мы собираемся в путешествие на Юг.

Прошло две недели, и одним прекрасным утром в начале мая мы спокойно поехали на вокзал и взяли билеты до Ричмонда. По прибытии мы на пару дней остановились в отеле, чтобы найти нужные магазины. Затем, на третье утро, в половине двенадцатого, мы выехали из города на телеге с двумя лошадьми, которую вел кучер-негр, который доставил нас троих с чемаданами в дом после долгой, но приятной поездки по красивой местности.

Агент, которому написала мисс Дин, ждал, чтобы встретить нас, с парой негров, которым предстояло нести наш багаж. Он показал нам дом, который мы нашли в хорошем состоянии. Он был просто, но комфортно обставлен. Все было в полной готовности – припасы уложены, дрова нарублены, на кухне был разведен огонь. Дом был очень уединенным. Он был расположен в конце переулка примерно в четверти мили от главной дороги. Это было деревянное одноэтажное строение с верандой спереди и сзади. Он состоял из гостиной, кухни и четырех спален. В задней части находился сарай, возле которого росли два дерева гикори. Все это место было окружено высокой железной оградой. Когда мы закончили осмотр нашего нового дома, агент попрощался с нами и уехал в сопровождении двух мальчиков-негров. Марта суежилась по кухне, а мы с мисс Дин распаковывали вещи в спальнях. Вскоре чай был готов, и мы сели в гостиную, чтобы вкусно поужинать прихваченной с собой закуской из ветчины и яиц, жареного цыпленка и горячих пирожков.

Гостиная была большой комнатой с довольно низким потолком, пересеченным тяжелыми балками. В ней были два эркера с решетчатыми стеклами, а на подоконниках стояли горшки с благоухающими цветами. С одной стороны комнаты стоял массивный буфет из полированного красного дерева и старомодное овальное зеркало с рамой из черного дерева над камином. Эти две принадлежности старой мебели, очевидно, изначально принадлежали дому, и как-то странно контрастировали с ярким ковром и другой современной мебелью этого дома.

Когда мы закончили ужинать, мисс Дин написала «Друзьям», отвечающим за «станции» к северу и югу от нас, с которыми мы должны были поддерживать связь. Станция к югу от нашей находилась в тридцати милях от нас, и от нее мы принимали беглецов, которых предстояло переправлять на северную станцию, которая находилась в двадцати милях от нас. Затем мы коротко поболтали, но, так как после поездки все чувствовали себя уставшими, то вскоре легли спать. На следующее утро я встала рано, в приподнятом настроении, и как только приняла ванну и оделась, я заглянула в комнату мисс Дин. Обнаружив, что она крепко спит, я не стала её беспокоить. Вместо этого, тихо спустившись по лестнице, я вышла из дома и пошла на утреннюю прогулку по обсаженной деревьями дороге, по переулкам, обрамленным живыми изгородями из ярких цветочных кустарников, совершенно мне неизвестных видов. Я бродила во всех направлениях в течение часа, не встретив ни одного белого человека, хотя наткнулась проходя на нескольких чернокожих обоюбого пола, которые с любопытством смотрели на меня,

заметив, что я тут чужая. Вернувшись в дом, я нашла, что мисс Дин ждет меня в гостиной. Я присоединилась к ней, и в течение короткого времени Марта принесла мне завтрак, которому я отдала должное, ибо моя прогулка подарила мне хороший аппетит. Вскоре мы удобно устроились, и началась наша новая рискованная жизнь. Но ни один из нас не предчувствовал плохого. Мисс Дин всегда была весела, да и меня поразила новизна всего этого затеянного нами дела. Мы хранили запасы бекона, муки и кофе в подвале дома и спрятали пару матрасов и одеял под полом сарая, держа их наготове для беглецов, которые могли в любой момент прибыть сюда со станции к югу от нашей.

Глава 2

Мой новый стиль жизни. – Выкуп раба. – Наши первые беглецы и то, как мы их спасали «под землей».

Дом, в котором мы жили, был хорошо приспособлен для наших целей из-за своего изолированного положения. Наш ближайший сосед жил в трех милях от нас, и маленький городок Хэмптон, откуда мы получали наши припасы, также находился в трех милях. Погода была довольно свежей; однако держалась в полном согласии с моим самочувствием, и я была в прекрасном здоровье и нормальном состоянии. Одетая в простой льняной костюм, с соломенной шляпой с широкими полями на голове, я ежедневно бродила по округе и вскоре познакомилась с несколькими рабами с плантаций, которые, увидев, что я заинтересовался ими, были всегда рады поговорить со мной; они приносили мне в подарок кусочки «опоссума» и «енота», двух животных, которыми очень любят лакомиться негры, но ни мисс Дин, ни я ни разу так и не смогли прикоснуться к их мясу.

Иногда и я бывал в бараках рабов на плантациях, и меня там всегда очень тепло встречали. Но я была вынуждена наносить свои визиты тайно, потому что, если бы хозяева рабов или обычные белые люди по соседству обнаружили, что я посещала негритянский квартал, мои мотивы сразу же заподозрили бы. (Хотя негры, с которыми мы познакомились, никогда не намекали на эту тему, я была вполне уверена, что все они догадались, почему мы поселились среди них.)

Прошло три месяца, и все это время работа на нашей «станции» шла нормально. Иногда за неделю у нас было двое или трое беглецов; в других случаях проходило несколько дней, но не появлялось ни единого беглеца. Как бы то ни было, они всегда появлялось после наступления темноты; проходили в заднюю часть дома, и первое, что мы делали, – плотно кормили их хорошим ужином, а затем укладывали их в сарае на ночь. На следующий день мы их также хорошенько кормили, а когда темнело, мы их снабжали узлом с провизией, и они отправлялись на следующую станцию, идя до нее всю ночь, а днями прячась в лесу. (Если, как иногда случалось, беглецом оказывалась женщина, слишком уставшая для того, чтобы назавтра продолжить путь после одной ночёвки, мы оставляли её у себя на несколько дней, пока она не чувствовала, что способна продолжить свое путешествие.)

Беглецы попадались самые разные: старики и юноши, старушки и девушки, а иногда и женщина с младенцем на руках. Некоторые из беглых рабов были в хорошем состоянии и прилично одеты, другие были изможденными и оборванными, преодолевшие до нас большие расстояния и много дней находившиеся в пути. Некоторые прибывали даже с крайнего юга Флориды. Многие были покрыты шрамами от ударов плетью, на некоторых имели следы клеймения, а у иных на телах имелись открытые или полузажившие раны. Но все бедняги, прошедшие через наши руки, были нам чрезвычайно благодарны, и мы часто слышали их истории, во многих случаях весьма трогательные. Мне не нужно входить в дальнейшие подробности нашего управления «станцией», но я кратко расскажу вам об одном из случаев, о которых мы узнали.

Однажды вечером мы с мисс Дин сидели, как обычно, в гостиной, болтали и шили. Лампы были зажжены, шторы задёрнуты, всё было тихо и уютно. Больше недели не было вновь прибывших, и мисс Дин только что сказала: «Интересно, придет ли кто-нибудь сегодня вечером?» Вдруг мы услышали тихий стук в одно из окон.

Я подбежала к двери, открыла ее, и когда я это сделала, измученная светлокочая девушка, пошатываясь, ступила на порог и упала в обморок к моим ногам. Я позвала мисс Дин, и она вместе с Мартой сразу же пришла мне на помощь. Мы отнесли девушку в гостиную и уло-

жили её на диван. Это была очень светлая квартеронка с красивым лицом и длинными волнистыми тёмно-каштановыми волосами, беспорядочно ниспадающими по её плечам. На вид ей было около шестнадцати лет, но фигура её была полностью развитой, округлые очертания груди отчетливо просматривались из-под тонкого корсажа. (Женщины её расы скоро созревают.) Она, очевидно, не была полевой рабыней, так как её руки не имели признаков тяжелой работы, а её одежда была из хорошего материала, хотя видно было, что девушку предвзвешенно тащили, а затем одежду разорвали в лохмотья. На девушке были аккуратные туфли, но они, как и чулки, были в грязи. Вскоре мы привели её в чувство, и она открыла свои большие карие глаза; на лице её было выражение боли и усталости. Мы дали ей тарелку супа, а также немного хлеба и мяса, которые она жадно съела, сказав нам, что у нее во рту ничего не было в течение суток. Поскольку девушка была очень слаба и больна, мы не отправили её в сарай. Вместо этого, как только она закончила ужин, я повела её наверх в свободную комнату, предложив ей раздеться и лечь спать. Она застенчиво посмотрела на меня, но после минутного колебания сняла платье и нижние юбки. На ней не было панталон, и я сразу заметил, что спинка её сорочки обильно испачкана пятнами засохшей крови. Я знал, что это значит! Подойдя к девушке, я приподняла её сорочку и посмотрела на её ягодицы. Вся поверхность была покрыта синеватыми рубцами, а кожа была рассечена во многих местах. Вскоре я побудила её рассказать мне, как и за что её так жестоко избили. Это была старая история. Она принадлежала плантатору, женатому мужчине с маленькими детьми, который жил примерно в двадцати пяти милях от нас. Она была одной из служанок его жены. Хозяин заинтересовался ею и однажды вечером приказал ей явиться в его комнату. Она была девственницей и послушалась приказа. На следующий день её отправили с запиской к одному из надзирателей, который отвел её в сарай, использовавшийся как место наказания. Там же он сообщил ей, что хозяин велел выпороть её кнутом за непослушание. Её растянули над блоком для порки. Её запястья и лодыжки были в руках двух рабов-мужчин. Затем надсмотрщик обнажил её зад и отхлестал гикориевой палкой, пока кровь не потекла по её бедрам. Затем ей разрешили уйти, сказав, что, если она опять не послушается своего хозяина, то снова окажется на блоке для порки. Но она была отважной девушкой и решила не сдаваться. Так что в ту же ночь она убежала, вся избитая и в крови, и двадцать пять миль пробиралась через лес и овраги, переулки, пока не добралась до нашего дома. Она слышала от своих сородичей, что мы добры к рабам, и думала, что мы спрячем её от хозяина.

Мы спрятали её и продержали у себя целую неделю. Затем мы отправили её на следующую станцию вместе с мужчиной, который прибыл как раз вовремя, чтобы помочь ей в её нелёгком и опасном пути.

Теперь я вернусь к своей собственной истории и истории мисс Дин, потому что наши судьбы в то время стали связаны друг с другом даже более тесно, чем когда-либо прежде.

Время шло, и всё обстояло спокойно. Мисс Дин всё ещё была полна энтузиазма по поводу нашей совместной работы, но мне это уже начало надоедать. В историях о жестокости, царившей на Юге, я постоянно слышала и различные достопамятные случаи, от которых порой щемило сердце. Более того, я устала от одиночества своей жизни. Мне нужны были товарищи, с которыми я могла бы просто посмеяться и поболтать свободно и легкомысленно. Хотя мисс Дин была всегда мила и любезна со мной, её разговор не был легкомысленным.

Иногда меня охватило чувство страха: ведь про нас могли узнать или разоблачить. Я не чувствовала себя такой храброй, как раньше. Я боялась, что меня посадят в тюрьму и остригут. И ещё меня пугала сама мысль о каторге и питании впроголодь. Однако пока поводов для беспокойства у меня не было. Мы стали хорошо известны местным жителям, но никто не подозревал, что две тихие женщины, живущие одни в одиноком доме могли заниматься чем-то противозаконным. До сих пор никогда не было известно случая, чтобы «станцией подземной железной дороги» управляли женщины. Обычные белые люди – под этим выражением я

подразумеваю белых граждан, у которых не было рабов, всегда были вежливы с нами. Многие из них, конечно, были грубоватыми типами, а попадались и ленивые бездельники. Но было также много уважаемых, трудолюбивых мужчин с женами и семьями. Как ни странно, все эти белые, хотя ни один из них не владел неграми, были стойкими сторонниками рабства. Они продавали нам оленину, диких индеек и рыбу, и всё это было долгожданным дополнением к нашему обычному домашнему рациону.

Глава 3

Меня в деревне преследует бык и спасает неизвестный господин, который в дальнейшем оказывается гораздо более жестоким быком, отличавшимся только внешне.

Я всё ещё продолжала развлекаться, разгуливая по утрам по округе. Но это было скучное пребывание в одиночестве, а мне часто хотелось, чтобы кто-нибудь поговорил со мной или составил мне компанию во время прогулок. Наконец-то мои желания исполнились. Однажды днем я прогуливалась по дороге, когда, завернув за угол, внезапно наткнулась на небольшое стадо коров во главе с бычком весьма диковатого вида, который, увидев меня, остановился и начал копать землю, опустив голову, приняв угрожающий вид и сердито поблёскивая глазами. Если бы я сама остановилась, то животное могло бы уйти. Но, так как я была напугана, то по собственной глупости повернулась и побежала прочь так быстро, как только могла. Бык, хрипло заревев, сразу же погнался за мной. Я слышала его дыхание позади себя, когда бежала от него с громким криком. Я ожидала, что в любой момент буду поднята на рога этого жуткого существа. Однако в самый последний момент какой-то мужчина верхом на лошади перепрыгнул через изгородь и, набросившись на быка, принялся бить его тяжелым хлыстом, пока зверь не свернул с дороги и не припустил назад – вверх по дороге. Затем мужчина спешился и подошел ко мне. Я весь дрожала, почти теряла сознание и, наверное, упала бы на землю, если бы он не обнял меня за талию и не поддержал меня. Затем он дал мне глоток вина из фляжки, которую достал из кармана, заставил меня сесть на траву на обочине дороги, а сам стоял передо мной с уздечкой на руке и с интересом смотрел мне в лицо.

– Не бойтесь. Опасность миновала, – сказал он. – Но вам повезло, что я случайно услышал ваши крики и смог добраться до вас вовремя.

Вскоре я пришла в себя и горячо поблагодарила его, в то же время внимательно оглядев его. Это был высокий красивый мужчина лет тридцати пяти, с очень темными волосами и глазами. Его лицо было чисто выбритым, за исключением длинных висячих усов, которые закрывали его рот. Он был одет в хорошо сидевший на нём костюм для верховой езды. Привязав узду своей лошади к стоявшему неподалёку дереву, он сел рядом со мной на траве и заговорил живо и весело, что меня успокоило. Вскоре я обнаружила, что болтаю с ним и смеюсь так же свободно, как если бы я знала его много лет. Приятно было поговорить с веселым собеседником. Мое настроение поднялось, и я почувствовала себя довольно бодро. Думаю, мы проболтали целый час. Он сказал мне, что его зовут Рэндольф. Я часто слышала о нём. Он был холостяком и владельцем одной из крупнейших плантаций в округе. Его поместье под названием Вудлендс¹ находилось примерно в трех милях от нашего дома, и я знала некоторых из его рабов. Но этого я ему не сказала.

Он спросил меня, как меня зовут, и, когда я назвала ему своё имя, он улыбнулся.

– Я слышал о вас, а также о мисс Дин, – сказал он. – Фактически, я ваш хозяин; дом, в котором вы живёте, принадлежит мне.

Я была весьма удивлена, услышав это.

– О, это вы? – только и могла пролепетать я.

– Да, – ответил он, смеясь. – И каким-то образом мне пришлось в голову, что моими квартиросъемщиками были две старые уродливые квакерские дамы.

Я не могла не улыбнуться этим словам.

¹ «Лесные уголья» (англ.).

– Мисс Дин – действительно квакерша, – сказала я, – но она не уродливая и не старая. Ей всего тридцать два года. Я – её компаньонка, но я не квакерша.

– Вы – очень обаятельная юная леди, и я рад был познакомиться с вами.

Я покраснела, чувствуя себя несколько сбитой с толку его смелыми взглядами; но тем не менее осталась довольна его комплиментом. Я не привыкла, чтобы мне делали комплименты. Те немногие молодые люди, которых я знала в Филадельфии, тоже были квакерами, и они не были приучены говорить женщинам комплименты. Рэндольф продолжил:

– Вам, двум дамам, должно быть, очень скучно жить в одиночестве, особенно по вечерам. Чем вы занимаетесь на досуге?

Это был неудобный вопрос.

– Читаем и шьём, – ответила я.

– Что ж, я должен доставить себе удовольствие зайти к вам однажды вечером. Я полагаю, вы вечерами всегда дома? – заметил он.

Мое сердце слегка вздрогнуло, и мне стало жарко и неудобно.

Никак нельзя было допустить, чтобы он вдруг ни с того ни с сего заявился к нам в дом, поэтому я ломала голову, что бы сказать нечто такое, что помешало бы ему нанести нам визит.

– Я должна умолять вас не являться к нам без приглашения. Мисс Дин это может не понравится. Она своеобразна по-своему, и я должна ей потакать, – сказал я, вставая на ноги и думая что мне лучше вернуться домой как можно скорее, чтобы избежать дальнейших допросов с его стороны.

Он тоже встал.

– Если это так, то я не стану вторгаться в жилище мисс Дин, но надеюсь снова увидеть вас. Не сможем ли мы с вами встретиться здесь завтра в три часа?

Я подумал, что встретиться с ним не повредит. Кроме того, если бы я на это не согласилась, он, вероятно, зашел бы в наш дом, и этого следовало предотвратить, если возможно. Поэтому я пообещала встретиться с ним на следующий день в назначенный им час. Затем, пожав ему руку, я попрощалась с ним.

Он задержал мою руку в своей дольше, чем было необходимо, и он тоже сжал ее, в то же время пристально глядя на меня своими блестящими черными глазами, что снова заставило меня почувствовать себя довольно некомфортно.

– До свидания, мисс Мортон, до трех часов завтрашнего дня, – сказал он. Затем он сел на лошадь, коснулся её шпорами и помчался галопом, повернувшись в седле, чтобы помахать мне шляпой. Я с восхищением следила за ним, потому что он был грациозным наездником, а его лошадь – великолепным животным. Более того, я был благодарна этому человеку а то, что он, несомненно, спас меня от серьезных травм, если не от самой смерти.

Я медленно шла домой, обдумывая все произошедшее и чувствуя себя очень весело. Немного романтики вошло в мою до сих пор спокойную жизнь, и я была этим весьма довольна. В будущем мне будет с кем поговорить и с кем погулять. У меня появилась идея, что мы с мистером Рэндольфом будем часто встречаться, но я не думала о вредных последствиях этой затеи.

Подойдя к дому, я обнаружила, что мисс Дин, как всегда, милая и безмятежная, шьет рубашки для наших будущих беглецов. Нежно поцеловав меня, она сказала:

– Ты выглядишь очень цветущей, Дороти. Что сделало твои щеки такими румяными в этот вечер?

Я засмеялась и сказала ей, что меня напугал бык. Но я не сообщила ей об опасности, в которой я находилась, и не упомянула о встрече с мистером Рэндольфом. Я сочла за лучшее промолчать о нем, потому что мисс Дин была очень строгой в своих обычаях и никогда бы не позволила мне встречаться с ним.

Я сняла шляпку, и мы пошли обедать. Это был обильный обед, состоящий из жареной форели, жареной дикой индейки, кукурузного хлеба, гречневых лепешек и мёда. Вечер прошел в обычном режиме. Мы читали и шили, пока не пришло время ложиться спать.

На следующий день в назначенный час и в том же месте я встретил мистера Рэндольфа. Он, видимо, был рад меня видеть и, взяв меня за руки, поглядел с выражением восхищения на лице. (Женщина всегда знает, когда ею восхищаются.) Обменявшись приветствиями, он вежливо протянул руку, которую я взяла, и мы пошли по дороге, пока не оказались в уединенной лощине с мшистыми берегами в тени деревьев. В этом уголке мы сидели бок о бок на траве. Затем он спросил меня о моём детстве.

Я сказала ему, что я сирота и у меня нет никаких родственников. Я рассказала ему также, как стала компаньонкой мисс Дин. Но, конечно, я не намекнула на причины, по которым мы переехали жить в Вирджинию.

Его манера обращения со мной была совершенно уважительной, и я продолжала болтать с ним больше часа. Затем я пошла домой, пообещав снова встретиться с ним через три дня.

Спустя три дня я снова встретила с ним, и с тех пор мы стали очень дружны, встречаясь друг с другом два или три раза в неделю. Я несколько не была влюблена в него, но мне нравилось быть в его компании. Рэндольф сильно отличался от любого другого мужчины, которых я когда-либо знала. Он забавлял меня рассказами о своих приключениях – он объездил весь мир – и заинтересовал меня своими описаниями европейских стран, которые я всегда стремилась посетить.

Вскоре я обнаружила, что он довольно циничен и весьма низкого мнения о женщинах, и, судя по тому, как он иногда выражался, у меня создалось впечатление, что его отношение к ним было жестоким. Однако ко мне он, казалось, проявлял некое расположение, поэтому я неизменно встречалась с ним, когда он меня приглашал.

До этого момента он обращался со мной вежливо, но снисходительно, и я была достаточно сообразительна, чтобы понять, что он считал мой уровень развития намного ниже своего. Он был богатым плантатором, выходцем из южной аристократии и членом одного из «FFV», как они себя называли, что означало «Первые семьи Вирджинии», в то время как я была всего лишь дочерью бедного клерка, не имевшего особо серьёзной должности. Вполне заурядная личность, зарабатывающая на жизнь компаньонкой одинокой квакерши. Со временем он мне понравился немного больше, и, следовательно, я стала более близко знакома с ним, в то время как он стал теплее по отношению ко мне. Но пока он не попытался позволить себе хоть немного вольности со мной. (Я и не подозревала, что он ждал только благоприятной возможности.) Он передал мне книги стихов, которые стали для меня источником большой радости, и сам часто читал мне вслух отрывки из Байрона, Шелли или Китса. Однажды днем мы сидели бок о бок в нашем любимом уголке, и он читал мне стихи. Не знаю, кто был автором, но помню, что одно стихотворение было о любви. У Рэндольфа был музыкальный голос, и он читал с энтузиазмом, то и дело глядя на меня в глаза. Я был глубоко тронута сладким, но довольно теплым стихотворением, мои щеки вспыхнули, мое сердце начало биться чаще, а грудь моя вздымалась. Странное чувство, подобного которому я никогда ранее не испытывала, овладело мной. Я закрыла глаза и погрузилась в мягкий сон наяву. Вскоре Рэндольф перестал читать, и всё было совершенно неподвижно, кроме далекой песни пересмешника.

Вскоре я почувствовала, как его рука обвивает мою талию, затем он посадил меня к себе на колени и прижался своими губами к моим в долгом поцелуе. Это был первый раз, когда меня поцеловал мужчина, и я почувствовала, как дрожь прошла через меня с головы до ног. Но я не пыталась уйти. Поцелуй, казалось, заморозил меня. Прижав меня к своей груди, Рэндольф покрыл мое лицо поцелуями, он называл меня разными ласковыми именами и говорил, что любит меня. Я спокойно лежала в его объятиях, чувствуя себя неспособной пошевелиться, и мое спокойствие придало ему смелости. Через мгновение-другое он просунул руку под мою

нижнюю юбку и ощупал мой зад через прорезь моих панталон. Только тогда чувства вернулись ко мне. Прикосновение руки мужчины к такой части моего тела подействовало на меня, как гальванический разряд. Мое естественное чувство мгновенно сменилось чувством возмущенной скромности... Я осознала всю опасность, которой подвергалась, и начала яростно бороться в его объятиях, в то же время крича ему, чтобы он отпустил меня. Но он не обращал ни малейшего внимания на мои крики, и я всё никак не могла освободиться от его мощной хватки. Уложив меня на спину, он поднял мои юбки и, разрывая мои панталоны, попытался раздвинуть мои бедра, которые я инстинктивно продолжала крепко прижимать друг к другу. Я сопротивлялась изо всех сил, крича и ударяя его по лицу обеими руками, но вскоре он схватил мои запястья и прижал руки к бокам. Затем, прижав свою грудь к моей, он буквально раздавил меня своим весом. Засунув колени между моими ногами, он раздвинул мои бедра, несмотря на все мои попытки помешать ему. Потом я почувствовала, как его жесткий член касается моего живота в разных местах, как он пытался проникнуть в меня. Но он не мог сделать этого; ибо, хотя я была преисполнена ужасом и вся пылала от стыда, я не потеряла головы и видела, что он не может осуществить своей цели, пока я продолжаю двигать чреслами. Я не изнуряла себя яростной борьбой, а просто продолжала вертеться под ним, и каждый раз, когда я чувствовала, как его «штука» касается моего «места», я дергала бедрами в сторону. Тем самым я мешала ему попасть в меня. Снова и снова он пытался вложить своё орудие в «ножны», но не мог. Я была сильна, здорова и в хорошей физической форме, поэтому продолжала упорно бороться, защищая свою девственность, и одновременно издавая серию громких воплей. Это был ужасный бой! Все мышцы мои болели от напряжения. Каждый нерв в моем теле был натянут до предела. Вес моего насильника выжимал из меня дыхание. Моя грудь вздымалась, словно вот-вот лопнет, глаза вылезли из орбит, и всю меня охватило ужасное чувство отвращения. Но я продолжала упорно сопротивляться, пока, наконец, опасаясь, я полагаю, что мои крики будут услышаны, он прекратил свои попытки изнасиловать меня и, произнеся горькое проклятие, отпустил меня. Затем, встав на ноги, он застегнул брюки. Я вскочила на ноги, тяжело дыша и дрожа всем телом. По моим щекам текли слезы. Я охрипла от крика. Моя одежда была разорвана. Мои волосы распустились и беспорядочно развевались, частично скрывая моё побагровевшее лицо. Вся ошалевшая от стыда, я уже собиралась бежать, когда он схватил меня за руку и, глядя на меня с жестокой яростью в глазах, свирепо прошипел:

– Ты, маленькая дура! Почему ты сопротивлялась мне?

– Отпусти меня, мерзкий негодяй! – яростно воскликнула я. – Как ты посмел смотреть мне в лицо после того, что со мной сделал? О! Ты зверь! Но я накажу тебя! Я отдам тебя под суд. Я пойду в полицию, и тебя посадят в тюрьму.

Он злобно улыбнулся и метнул злое взгляд на меня:

– О нет, моя маленькая девочка; ты не пойдешь в полицию, когда услышишь то, что я тебе скажу, – сказал он, ущипнув меня за руку. – Теперь тебе не нужна борьба. Я закончил с тобой на данный момент, и через секунду отпущу тебя. Но сначала ты должна выслушать то, что я хочу сказать. Я знаю, что вы с мисс Дин здесь делаете. У вас здесь «станция подземной железной дороги». Я с самого начала подозревал вас обеих, и поэтому несколько раз наблюдал за вашим домом ночью и вскоре узнал, что за игра вами ведется. По некоторым причинам, о которых, я полагаю, вы можете догадаться, я не предоставил информацию о вас в полицию. Но вы и мисс Дин в моей власти, и если я сейчас решу сообщить властям, чем вы здесь занимаетесь, то через очень короткое время вы обе окажетесь в государственной тюрьме, а затем и на каторге.

Я была поражена и напугана этими словами, поскольку сразу поняла, что мы оказались полностью в его власти. Но в то же время я была настолько расстроена пережитым, что не могла найти слов, чтобы что-то сказать. Я могла только плакать.

Изменив тон, он продолжил:

– Но я не хочу сообщать на вас в полицию. Я хочу быть вашим другом. Я люблю вас, и, когда вы только что впервые позволили мне поцеловать вас так тихо, я подумал, что вы будете готовы позволить мне пойти дальше. Мне жаль, что я так грубо обошёлся с вами, и я прошу у вас за это прощения. Но я хочу вас. Оставьте мисс Дин и живите со мной. У вас будет всё, что только может пожелать женщина, а я буду платить вам тысячу долларов год – и так в течение всей жизни. И ещё я обещаю вам не распространять информацию против мисс Дин и не вмешиваться в её дела каким-либо образом.

Как оказалось, для меня было бы намного лучше, если бы я тогда приняла его предложение. Но в тот момент я был полна стыда и гнева. Более того, будучи совершенно чистой девушкой, я была ужасно возмущена тем хладнокровием, с которым он предложил купить мою добродетель. Хотя я боялась тюрьмы, я сказала себе, что лучше пойду туда, чем сдамся этому человеку.

– Нет-нет! – воскликнула я. – Я не оставлю мисс Дин. Если ты настолько жестокое животное, то можешь донести на нас в полицию! Я сяду в тюрьму, но не буду жить с тобой! Я ненавижу тебя до глубины души! О! Уходи и оставь меня, подлый негодяй!

Снова на его лице появилось жестокое выражение, и он грубо оттолкнул меня, сказав тоном едва сдерживаемого гнева:

– Хорошо, мисс Дороти Мортон, сейчас я уйду. Но однажды мы снова встретимся, и я думаю, что вы всё же это сделаете. И попросите у меня прощения за то, что отказались от моего предложения.

Затем, поклонившись мне с притворной вежливостью, он повернулся на каблуках и быстро пошел прочь, оставив меня рыдающей и растрепанной.

Глава 4

Результаты моего сопротивления. – Тщетность добра – Нежеланный визит, который приводит нас к унижению и похищению моей добродетели.

Как только он скрылся из виду, я забрала волосы и, насколько это было возможно, поправила беспорядок в своей одежде. Затем я поспешила домой и, к счастью, добралась до своей комнаты так, чтобы меня не заметили ни мисс Дин, ни Марта. Заперев дверь, я разделась, поскольку моя одежда была в ужасном состоянии: платье мое, белое, было разорвано, а спина покрылась зелеными пятнами; завязки на моих нижних юбках были порваны, моя сорочка порвалась, а штаны на моих ногах свисали на ленточках. Мои бедра были покрыты черными отметинами, оставшимися от давления мужских пальцев, и все тело у меня было в синяках и очень болело. Надев чистые вещи, я бросилась на кровать, зарылась лицом в подушку и заплакала. Но теперь мои слёзы превратились в слёзы гнева, потому что острота моего стыда несколько поутихла. Я была в ярости из-за своей глупости, когда решила остаться наедине с Рэндольфом, к которому я испытывала недоверие с тех пор, как он выразил мне свое низкое мнение о достоинствах женщин. Я также чувствовала себя униженной в собственной самооценке, поскольку он как должное воспринял мысль, что я из породы девушек, готовых отдаться любому мужчине без сопротивления.

Затем я вспомнила его слова о том, что ещё пожалею, что не приняла его предложение. Я в его лице обрела врага, так что, скорее всего, он расскажет о нас полиции. Думать об этом было весьма неприятно. Я чувствовала, что должна сообщить мисс Дин, что мы почти обнаружены, но если бы я сделала это, мне пришлось бы вдаваться во все подробности моего романа с Рэндольфом. Но я не могла вынести этого, поскольку в таком случае мне пришлось бы рассказать ей и обо всём том ужасе, которому я подверглась. В целом по моей неосторожности мы оказались в ужасном положении.

Ничего не оставалось делать, как с сожалением ожидать конца, который ждал нас в тюрьме. (Я уже мысленно представила себе мисс Дин и себя, одетых в грубую тюремную одежду и с коротко остриженными волосами, выполняющих какую-то каторжную работу.) Вскоре Марта постучала в дверь, чтобы сказать мне, что чай готов, так что мне пришлось взять себя в руки и спуститься в гостиную. Я не могла много есть, и мисс Дин сразу заметила отсутствие у меня аппетита; она также увидела, что мое лицо было бледным, а глаза красными, и спросила меня, в чем дело. Я сказала ей, что у меня сильно болит голова, что, впрочем, было правдой. Услышав это, добрая женщина заставила меня лечь на диван, пока она протирала мой лоб одеколоном. Затем она порекомендовала мне лечь в постель, чтобы я могла как следует выспаться и избавиться от головной боли. Но спала я плохо.

Мой отдых был нарушен чередой ужасных снов, в которых мне казалось, что я борюсь в объятиях человека с огромным членом, которому всегда удавалось преодолеть мое сопротивление и лишить меня чести. Утром, одеваясь, я задавалась вопросом, где мы должны быть через двадцать четыре часа, так как я абсолютно была уверена и ожидала, что мисс Дин и я будем арестованы до наступления ночи. День медленно уходил. Мне было неудобно и беспокойно, я не могла привыкнуть к своему обычному распорядку работы. Я постоянно выглядывала в окно, ожидая прибытия полиции. Они не пришли. Но в девять часов явился голодный беглец, и в заботах о нуждах бедняги я на время позабыла о своем шатком положении. Несколько дней прошли тихо, и я уже начала было думать, что Рэндольф в конце концов оказался не настолько злым, чтобы доносить на нас. Но все же мне очень хотелось уехать из штата Вирджиния, поэтому я сказала мисс Дин, что, по моему мнению, мы выполнили свою

часть работы и что нам пора вернуться в Филадельфию. Однако мисс Дин и слышать об этом не хотела. Она сказала, что мы делаем благое дело и что поэтому должны продолжать его, во всяком случае, еще какое-то время.

Прошло еще две недели, за это время к нам прибыли ещё трое беглецов, двое мужчин и женщина, и всех их мы отправили на следующую станцию, не вызвав, насколько мне известно, каких-либо подозрений, и, поскольку не произошло ничего, что могло бы меня встревожить, настроение у меня поднялось, и я снова стала самой собой. Я не видела Рэндольфа с того дня, как он напал на меня, но часто думала об его постыдном поступке, воспоминание о котором всегда заливало мои щеки краской. Я ненавидела его и надеялась, что никогда больше не увижусь с ним. Но – увы! Мне суждено было увидеть его в ближайшее время при самых болезненных для меня обстоятельствах.

Однажды днем, около пяти часов, мы сидели на веранде перед домом. Мисс Дин, которая выглядела очень милой и хорошенькой в платье голубого цвета, как обычно, проводила время с пользой – шила рубашки для беглецов, – а я занималась отделкой шляпы для себя. Марта была на кухне, мыла тарелки и другую посуду, потому что мы только что допили чай. Я была в отличном расположении духа и во время работы напевала про себя тихим голосом песню плантаций, которую выучила у негров, под названием «Верни меня обратно в Оле Вирджинни». Было странно, что я пела именно эту песню, потому что на самом деле мне наоборот очень хотелось уйти подальше от «Оле Вирджинни».

Вскоре тишину вечера нарушил топот лошадиных копыт, смешанный со звуком громких голосов вдалеке, и, посмотрев вниз по переулку, я увидела нескольких человек, некоторые из них верхом, некоторые пешком, направляющихся к дому. Мы с мисс Дин смотрели на них, пока они шли, и гадали, куда они все идут. Люди очень редко заходили в наш укромный переулок.

К нашему удивлению, группа остановилась у нашего дома, люди на лошадях спешили и привязали лошадей к забору. Затем вся толпа зашла на веранду и собралась вокруг нас, пока мы в молчаливом изумлении сидели на стульях. Однако, я заметила, что на лице каждого мужчины было суровое выражение, а некоторые из них с яростью смотрели на нас. Там было человек пятнадцать, и все они были мне совершенно незнакомы, даже в лицо. Большинство из них были бородатыми, хамоватыми парнями, одетыми в грубые хлопчатобумажные рубашки разного цвета, в штанах, заправленных в сапоги до колен, и в широкополых шляпах на головах. Но были и мужчины, одетые получше, и, очевидно, более высокого ранга.

Мое сердце затрепетало, и меня охватило смутное предчувствие надвигающегося зла, потому что я, хотя не имела ни малейшего подозрения о намерениях этих людей, по их взглядам догадалась, что они пришли не с дружеским визитом. Один из злоумышленников, мужчина лет около сорока, которого остальные называли Джейком Стивенсом и который, казалось, был лидером этого отряда, шагнул вперед и положил руку на плечо мисс Дин, одновременно глядя на нее и на меня, и сказал строго:

– Вставайте вы двое, мне есть, что сказать вам.

Мы обе поднялись на ноги, и мисс Дин спросила тихим тоном:

– Почему вы и ваши товарищи так грубо вторглись в мой дом?

Мужчина презрительно рассмеялся, сказав:

– Что ж, я думаю, что ты прекрасно догадываешься, что привело нас сюда. Ты не так невинна, как кажешься, – после паузы он продолжил: – Белые люди в этих краях узнали, что у вас здесь оборудована «станция» подземной железной дороги. Пока вы были здесь, с наших плантаций удрали множество рабов. Мы, южане, не позволим вам, северным аболиционистам, помогать им в этом. И теперь, когда мы схватили тебя и твоих помощников, мы собираемся представить вас перед судом судьи Линча. Парни, которые приехали сюда со мной, – это господа присяжные. Разве это не правильный разговор, парни? – сказал он окружающим.

– Да, да, Джейк. Ты правильно сказал, – закричали несколько голосов.

Я опустилась на стул, ужасно испуганная. Я слышала ужасные истории о жестокостях, совершаемых под именем «судов Линча». Мисс Дин снова отвечала спокойно:

– Если вы обнаружили, что мы нарушили закон государства, почему вы не сообщили об этом в полицию? Вы не имеете права брать закон в свои руки.

Среди мужчин возникло гневное напряжение, и поднялся гул голосов.

– У нас есть право поступать так, как нам нравится.

– Закон Линча достаточно хорош для таких, как вы.

– Заткнись!

– Не трать больше времени на разговоры с ней, Джейк. Перейдем к делу! – кричали они.

– Хорошо, парни, – сказал Стивенс, – пойдёмте в сад и решим, что делать с этими заключёнными. Мы знаем, что они виновны, поэтому нам нужно только приговорить их, а затем приступить к выполнению. Вне приговора суда.

Мисс Дин и я остались на веранде, а мужчины, вышедшие в сад, собрались в кучку и начали разговаривать. Я сидела, скрючившись, на своем стуле, мое сердце замерло.

– О, мисс Дин, – причитала я, – что они с нами сделают?

– Я не знаю, дорогая, – ответила она, подходя ко мне и взяв меня за руку. – Я не очень беспокоюсь о себе, только о моей бедной девочке, мне так жаль тебя. Я не должна была позволять тебе приезжать сюда.

Слишком несчастная, чтобы сказать еще хоть одно слово, я сидела бледная и молчаливая. Мужчины продолжали разговаривать друг с другом, и, казалось, между ними существовали разногласия, но я не могла уловить ни единого слова. Ожидание для меня было ужасным, во рту у меня пересохло, мне становилось то холодно, то жарко. Но мисс Дин, которая все еще держала мою руку, время от времени сжимая ее, была совершенно спокойна. В конце концов мужчины, похоже, договорились, и все вернулись на веранду. Затем Стивенс, приняв своего рода судебную манеру, обратился к нам, сказав:

– Суд приговорил вас обоих – каждая из вас должна получить порку гикориевым прутом, затем вас продержат на изгороди в течение двух часов, и, кроме того, вас предупреждают, чтобы вы покинули штат Вирджиния в течение 48 часов. Если по прошествии этого времени вы еще окажетесь в штате, судья Линч накажет вас уже суровее.

Когда я услышала позорный и жестокий приговор, вынесенный нам линчевателями, моя кровь застыла, и я вся задрожала. В ушах послышалось пение, и перед глазами появился туман. Я поднялась со своего места, мои ноги так дрожали подо мной, что мне пришлось держаться за спинку стула, чтобы поддержать себя.

– О, прошу вас, не надо нас хлестать! – воскликнула я жалобным голосом, протягивая руки и взывая к мужчинам, – О, не заставляйте нас так ужасно стыдиться и страдать. Сжальтесь над нами. О, пожалейте нас!

Но ни на одном из окружающих нас лиц не проявилось ни малейшего признака жалости. Все они были суровы, или хмурились, или были совершенно флегматичны. А один человек крикнул:

– Так и должно быть, проклятая мелкая аболиционистка. После порки вас обеих следует раздеть догола, вымазать смолой и обсыпать перьями, а затем выставить напоказ. Вы бы выглядели как странная порода птиц.

После этой грубой шутки другие мужчины рассмеялись, и я снова опустилась на стул, в отчаянии заламывая руки, а слезы текли по моим белым щекам. Мисс Дин, однако, смело взглянула на мужчин. Она побледнела, но глаза её светились, и она не подавала никаких признаков страха. Обращаясь к их главарю, она сказала без дрожи в голосе:

– Мне часто говорили, что южане по-рыцарски относятся к женщинам, но теперь я поняла, что меня дезинформировали. Рыцари не бьют женщин.

– Я ничего не знаю о рыцарстве, – грубо сказал Стивенс, – но когда женщины действуют, как мужчины, и начинают воровать у нас рабов, то и поступают с ними, как с мужчинами.

Мужчины в различных выражениях выразили свое одобрение тому, что сказал их лидер. Мисс Дин спокойно продолжила:

– Я хочу, чтобы вы знали, что я – единственный владелец в этом доме, и только я ответственна за то, что здесь было сделано. Молодая леди не виновата в любом случае, она – моя платная спутница и действовала полностью по моим приказам. Вы должны отпустить ее.

– О нет, не дождёшься, – воскликнули сразу несколько голосов, – Она должна получить свою долю наказания.

– Позвольте мне сказать, – сказал Стивенс, – Мы очень хорошо знаем, мисс Дин, что вы – руководительница этого шоу, но девушка помогала вам проводить его, так что и её нужно выпороть.

Здесь один из мужчин выкрикнул:

– А где третья женщина? Её следовало бы так же наказать.

– Конечно, вы правы, – сказал Стивенс. – Вы двое, пойдите и приведите её сюда. Я предполагаю, что она прячется где-то в доме.

Двое мужчин пошли в дом, и пока их не было, остальные разговаривали и смеялись друг с другом, делая грубые замечания, от которых я покраснела и дрожала. Но мисс Дин, похоже, не слышала, о чем говорилось. Она стояла совершенно неподвижно, её руки были свободно сцеплены перед собой, и её большие мягкие карие глаза смотрели вдаль. Примерно через пять минут двое мужчин вернулись, и один из них сказал с ругательствами:

– Мы не можем найти эту суку в доме, хотя всё хорошо осмотрели. Она, должно быть, убежала в лес.

– Жалко, что она сбежала, – сказал Стивенс, – но в любом случае у нас есть две стервы, ведущие это шоу, и я думаю, что мы будем довольны.

– Готов поспорить, что будем, Джейк, – дружно закричали мужчины, – Мы заставим их пожалеть, что они решились приехать в Вирджинию. Давай немедленно и приступим.

– Очень хорошо, – сказал Стивенс, – Билл, беги в сарай и принеси лестницу, которую найдешь там. Пит и Сэм, походи и отрежь пару хороших длинных пружинящих прутьев и подрежь их, чтобы я мог их использовать, – затем он со смехом добавил, – Я полагаю, что эти северные дамы любили погрызть грецкие орешки, но никогда не ждали, что почувствуют их на своих голых задницах.

Все мужчины захохотали, а я вздрогнула, и мое сердце переполнилось горечью от нашей полной беспомощности. Мужчины вернулись из сарая в сад с лестницей. Затем лестница была закреплена в наклонном положении у перил веранды с внешней стороны, и Стивенс занял свое место рядом с ней, держа в руке один из прутьев, в то время как другие мужчины стояли кругом, образуя кольцо, чтобы все они могли хорошо разглядеть, что собирались делать.

– Выведите заключенных, – сказал Стивенс.

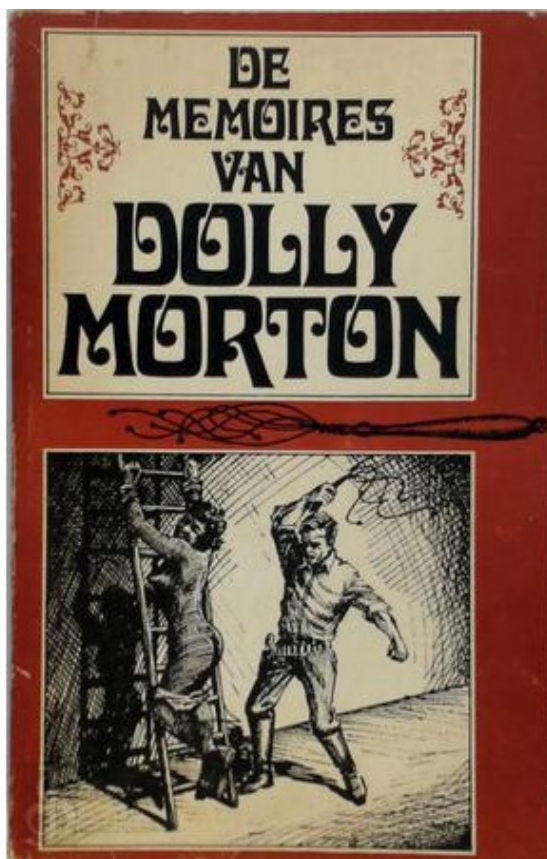
Кто-то из мужчин взял нас за руки и повел из веранды получать жестокое и неприличное наказание. Я дрожала и плакала, но мисс Дин была спокойна и молчалива. Стивенс сказал ей:

– Так как ты начальница, то тебя высекут первой. Свяжите ее, парни.

Ее немедленно схватили двое мужчин и положили на лестницу. Её руки были полностью вытянуты над головой, а запястья толстыми веревками были привязаны к ступеням лестницы. Её лодыжки были надежно закреплены таким же образом. Она не оказала ни малейшего сопротивления и не произнесла ни слова, когда её связывали, но теперь она повернула голову и, глядя через плечо на Стивенса, сказала:

– Разве ты не можешь бить меня, не сняв с меня одежду?

– Нет, конечно, нет, – ответил он, – Вас приговорили к порке именно по голому задку. Поднимите ей одежду, парни.

Ее юбка, нижние юбки и сорочка были закатаны выше талии и заправлены под тело, чтобы они не могли упасть. На ней не было обычных панталон с прорезью сзади, которые обычно носят женщины, а были длинные, застегнутые по всему периметру, довольно плотно прилегающие к её ногам и доходившие до щиколоток, вокруг которых были небольшие оборки. Внизу они были затянуты узкими лентами.

– Да на ней штаны! – воскликнул Стивенс.

Остальные мужчины тоже казались изумленными и очень удивленными при виде такого аналога брюк, а некоторые из зрителей сделали различные замечания. Я полагаю, что женщины их сословия в этой части страны никогда не носили никаких панталонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.